

ОПРАВДАНИЕ КУТЮРА

Коллекция haute couture SS 2023 Хайдера Аккермана для Jean Paul Gaultier

Елена Стафьева |

COURTESY OF JEAN PAUL GAULTIER

COURTESY OF JEAN PAUL GAULTIER

COURTESY OF JEAN PAUL GAULTIER

С ТЕХ ПОР как Жан Поль Готье в 2020-м ушел на покой, он каждый сезон предлагает кому-то из близких ему модельеров поработать с его кутюрным ателье. Ни одна из созданных за это время коллекций не произвела такого эффекта, как та, что показал Хайдер Аккерман в самом конце недели haute couture SS 2023 в Париже. Этот эффект распространяется не только на дом Jean Paul Gaultier или сезон, но гораздо дальше — на судьбу кутюра в целом.

Что делать с кутюром? Для чего он вообще нужен в современной фэшн-индустрии? Эти вопросы звучат примерно с начала 2000-х, когда стало понятно, что в сложившейся фэшн-системе — каждый год по две коллекции pret-a-porter, две коллекции menswear, две межсезонных коллекции, и это не считая вся-

ких коллабораций и дропов — кутюр, вообще-то, ни для чего не нужен. Он стал все больше и больше выглядеть дорогой экстравагантной причудой, которую могли себе позволить только самые-самые гранды мира моды вроде Dior и Chanel, но уже даже Yves Saint Laurent, начинавший именно с кутюра и имевший тут выдающиеся традиции, дотянув до начала 2000-х, с уходом самого Сен-Лорана закрыл кутюрное ателье и, несмотря на несколько попыток вновь открыть его, так этого и не сделал. В какой-то момент все вроде бы согласилось, что кутюр помогает продавать сумки и помады, создавая вокруг бренда дымку чего-то недостижимо прекрасного, но по большому счету, в присутствии примерно шести других коллекций в год, с сумками и помадами можно управиться и без кутюра.

Да, кутюр по-прежнему занимал в сознании публики место важного парижского фэшн-мифа, на котором вообще держатся представления о моде, и большие дома в этом качестве его и сохраняли, укомплектовывая именно кутюрными

нарядами исторические выставки, посвященные большому юбилею и большому фигурам. Но все попытки превратить неделю кутюрных показов во что-то действительно актуальное ничем убедительным не заканчивались.

Было понятно, что все самое главное в моде происходит совсем не на показах haute couture, а то, что нам выдают в качестве самого его исключительного свойства — то есть невероятные ремесленные техники, настолько дорогие и трудоемкие, что только кутюр и может себе их позволить, — конечно, прекрасно, но как-то не очень достаточно и не очень увлекательно.

Равно как было понятно, что сущностное, уникальное и смыслообразующее в кутюре есть, что у одежды haute couture есть специальное качество и особое измерение. Просто оно никак напрямую не связано ни со сложнейшими вышивками, ни с изобретательными плюмажами. Последнюю коллекцию, существовавшую в этом особом, кутюрном измерении, мы видели в 2012 году на первом показе Рафа

Симонса для Christian Dior, который был именно кутюрным (в той или иной мере это касается и остальных его кутюрных коллекций в Dior).

И это чудо случилось опять — у Хайдера Аккермана в Jean Paul Gaultier.

Тут надо представить себе картину кутюрных показов. Вот проходит три дня, и мы видим все привычное — уникальные вышивки, немыслимой красоты и сложности твиды, шлейфы, кринолины и прочие привычные навороты. И тут вдруг выходят модели Хайдера, вполне скромно по меркам всего предыдущего одетые, — и производят ошеломляющее впечатление.

Хайдер Аккерман производит кутюр средствами самого кутюра, самыми главными и самыми первыми его средствами — а именно кроем и силуэтом. Силуэт у него резкий, отточенный и такой, что нигде ни прибавить, ни убавить, а крой настолько виртуозный, что, глядя на эту одежду, невозможно поверить, что все может быть так точно и ясно. Традиционный хайдеровский довольно жесто-